

еще от рокошан. А именно, от беседы между воображаемыми или даже действительными лицами авторы вполне естественно, в виду остроты момента, считают необходимым перейти к беседе от первого лица (от самого автора) с наиболее ему ненавистными противниками. Это был скользкий путь, ибо здесь легко было сбиться с пути «реализма» на обычную дорогу пасквиля. В те времена, однако, не было настоящего различия между пасквилом и просто литературным произведением: без сомнения, стремились очернить противника всеми путями, допуская не только преувеличения, но и очевидное искажение фактов; но так было и в литературе, снабженной так наз. «аппаратом» учености, так же было и в литературе, которая не претендовала на то, чтобы быть опубликованной в печати и стать известной потомству; типичной с этой точки зрения была «Przetmowa do panów senatorów», в которой автор сам от своего лица обращается к таким выдающимся деятелям своего времени, как Скарга, как перемышльский епископ Пстроконьский, как гнезненский архиепископ Мацеёвский, как познанский воевода Гостомский и др. Конечно, можно, если угодно, возводить даваемые здесь по большей части остро сатирические характеристики указанных лиц к манере «фрашек», столь употребительной в литературе XVI—XVII вв., напр., сатирических надписей на гербы отдельных фамилий, встречающихся еще у Рся, а через эту литературу «фрашек» вести генеалогию еще от эпиграмм Марциала, но в данном случае нас интересует только связь указанных выступлений рокошан с позднейшим творчеством конфедератов, в особенности с рассматриваемым ниже их произведением «Zdania o biskupach» (сатира на Радомскую конференцию); их соединяет тот же самый традиционный 13-сложный стих с парными рифмами, то же самое колебание в развитии своей мысли: от короткой двухстишной эпиграммы авторы переходят иногда к обширному стихотворному памфлету (напр., на Мышковского);¹ наконец, и детали полемических приемов необычайно сходны у рокошан и у конфедератов: и там, и здесь они не брезгают чисто внешними уподоблениями, лишенными подлинной связи между собою, как, напр., в обращении к познанскому пану Остророгу:

Rozum wielki bez cnoty, bez kształtu uroda,
Monstrum sprośne, by właśnie satyrowa broda.²

На такой же чисто внешней игре слов основано начало выступления против Скарги (*ibid.*, стр. 107); куявский же епископ Барановский сравни-

¹ Czubek, *op cit.*, стр. 113.

² *Ibid.*, стр. 112.